

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1969.4.07>

В. ДОРОШЕНКО

ТОРГОВЛЯ КРУПНОГО ТАЛЛИНСКОГО КУПЦА В XVI ВЕКЕ *

(по торговой книге О. Элерса 1534—1541 гг.)

Таллин наряду с Ригой был одним из главных посредников в торговых сношениях между Русью и Западной Европой. Расцвет торговой активности таллинского купечества приходится на период, предшествовавший Ливонской войне 1558—1581 гг. Наиболее ценным источником по истории торговли в первой половине XVI столетия являются торговые книги и деловая переписка крупных купцов города Таллина, хранящиеся в городском архиве. Значительная часть этих материалов использована в известной монографии финского историка Гуннара Миквица¹. С тех пор историки почти не обращались к этим ценнейшим источникам.

Основное внимание Г. Миквица было обращено на западноевропейские, в первую очередь любекские, связи ревелльского купечества. Другая, не менее важная сторона этих связей, а именно — мобилизация русских товаров для экспорта через таллинский порт, взаимоотношения ливонских купцов с русскими поставщиками этих товаров, интересовала его меньше. Между тем возможности изучения данной проблемы, особенно по материалам первой половины XVI в., далеко не исчерпаны. В данной статье изложены результаты исследования одного из источников, уцелевших в Таллинском городском архиве после второй мировой войны, а именно — торговой книги таллинского купца Ольрика Элерса, содержащей записи о его «гешефтах» в основном на протяжении 1534—1541 гг.² В названном выше труде Г. Миквица этот источник (как, впрочем, и ряд других торговых книг) даже не упомянут, хотя его содержание представляет значительный интерес для характеристики роли таллинского купечества в посреднической, транзитной торговле северо-западных русских земель с Западной Европой.

В известном каталоге Ганзена (1896 г.) рассматриваемый источник обозначен ошибочно как «Долговая книга (Schuldbuch) Ольрика Элерса» за 1533—1550 гг. Подлинное название документа, дошедшего до нас в виде переплетенной книжки небольшого формата, — «Слеуп метогоуал боеек», характер же деловых записей (фиксация всякого рода торговых сделок, заключаемых с контрагентами), производившихся регулярно только на протяжении 1534—1540 (1541) гг., позволяет считать его типичной торговой книгой. Записи более позднего времени (вплоть до 1565 г.) носят иной характер, они

* Доклад, прочитанный на IV Всесоюзной конференции по скандинавистике в г. Петрозаводске 30 мая 1968 г.

¹ G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts.* Helsingfors, 1938.

² ТГА (=Таллинский городской архив), ф. 230 (Таллинский магистрат), оп. 1 («Kaufmannsbücher»), кн. Af 36, лл. 1—126. Ссылки на этот источник в дальнейшем имеют в виду нумерацию соответствующих листов рукописи.

имели в виду получение годовой ренты на капитал, выданный тем или иным лицам в порядке денежной ссуды. Владелец книги делал записи собственноручно, от первого лица («koffte Ick», «scherpede Ick», «lennede Ick», «vorkoffte Ick» и т. п.), однако имя его (возможно, проставленное на первых, дефектных листах документа) нигде не встречается. Лишь среди лиц, вступавших в контакты с О. Элерсом, помимо многочисленных «руссов» (Reussen, Nowegoroder, Iwanegoroder), встречаем хорошо знакомые имена таких крупных купцов из Таллина, как Арндт Пакебуш, Герман Болеманн, Яспер Каппенберг, Г. Сельгорст и др., а также эстляндских помещиков — Отто Туве, О. Врангель, Фаб. Тизенхаузен и т. д.

Предметом систематического анализа с целью дать не отдельные иллюстрации, а целостную характеристику торговых связей и оборотов купца на протяжении ряда лет могут служить около 470 записей о различных транзакциях О. Элерса за 1534—1540 гг. В подавляющем большинстве (172 записи) они отражают покупку товаров, в первую очередь — местных продуктов или сырья, доставляемых из ближнего и более отдаленного хинтерланда Таллина и предназначенных на экспорт в Западную Европу, а затем (53 записи) и товаров западноевропейского происхождения, привозимых морским путем для покрытия этого экспорта. Следует подчеркнуть, что именно записи первой группы отличаются наибольшей полнотой в смысле обозначения видов товаров, их транспортировки, закупочных цен и прочих условий той или иной сделки и, следовательно, более доступны для статистической обработки. Закупки импортного товара фиксировались более кратко и, главное, явно не полно. Эти лаконичные записи дают лишь общее представление о структуре этих закупок. Столь же ограниченные возможности дают записи о продаже товаров — местных (около 40 записей) и западноевропейских (104 записи). Дело в том, что большая часть операций как по закупке ввозимых (импортных) товаров, так и по сбыту экспортной массы производилась за пределами Таллина, на западных рынках, через приказчиков и компаньонов Элерса. Операции этого рода если и попадали в его «Малую памятную книгу», то лишь в виде фрагментов и далеко не всегда; они отлагались в других документах, до нас, к сожалению, не дошедших³.

*

Масштабы торговой деятельности Ольрика Элерса, широта и многообразие деловых связей как с местным, так и западноевропейским купечеством позволяют отнести его к числу наиболее видных купцов Таллина. Г. Миквиц приводит данные о размерах торгового оборота Иогана Сельхорста и Тонни Шмидта; первый в начале 30-х годов XVI в. закупал ежегодно местных товаров для экспорта на сумму в 16,5 тыс. рижских марок, второй в середине 50-х годов — на сумму до 24,5 тыс. марок.⁴ Размеры годовых закупок О. Элерса скромнее, но все же значительны. Согласно нашим подсчетам, в течение шести-семи лет (1534—1540) через его руки прошло местных товаров, доставленных в Таллин из Тарту, Нарвы, Новгорода, Выборга и т. д., на общую сумму около 60 тыс. рижских марок, что составляет примерно 10 тыс. марок ежегодно.

В самом Таллине у купца было по меньшей мере два каменных дома («туп stenhuus», «туп пуен hues») с многочисленными пристройками и складскими помеще-

³ Отметим, к примеру, в 1537 г. факт приобретения у А. Пакеля партии фландрских сукон, О. Элерс не сообщает ни общего их количества, ни цены, он просто ссылается на свою долговую книгу — «туп Schultboeck» (л. 28 об.). Ссылки на ту же долговую книгу встречаем неоднократно в связи с получением из-за границы других товаров: в 1538 г. — шелка (л. 43 об.), в 1540 г. — прусского хмеля (л. 61) и т. д. Но особенно часто ссылки такого рода имеют в виду товары, отправляемые из Таллина зарубежным клиентам: в Любек (лл. 12, 37а, 40, 41), Гданьск (л. 41а), Амстердам (л. 42). Помимо долговой книги, часть записей о торговле Элерса велась в «Большой памятной книге» — «туп Grote memorial boeck», до нас опять-таки не дошедшей. Ссылки на нее встречаем, к примеру, в расчетах Элерса с тартуским поставщиком Д. Шредером в 1535 г. (л. 10 б.), а также с проживавшим у него в 1538 г. иноземным гостем И. Герке (л. 49 об.).

⁴ G. Mickwitz, Aus Revaler Handelsbüchern, стр. 36, 219.

ниями — подвалами (kellere), чердаками (bonynge, böde), где хранились зерно, шкуры, соль, сельдь и другие товары; собственный склад Элерса упоминается также в Нарве (л. 27: «7 last herynck in mynem keller to Narue»). Часть товаров приходилось держать на арендуемых складах, принадлежавших М. Гарфельду (л. 9), Т. Бокельману (л. 22) и другим. Ближайшими компаньонами О. Элерса, систематически производившими закупки местных товаров по его поручению, были в Тарту Дитрих Шредер и Генрих Бук, а в Нарве Генрих Конне. В числе самых активных его приказчиков (dinere, knechte, junge) отметим Петра Шарпенберга, находившегося в постоянных разъездах, преимущественно за рубежом, ездившего с товарами своего патрона то в Любек, то в Гамбург, то в Амстердам. Выше упоминались клиенты Элерса, чаще всего заключавшие с ним торговые сделки — известные таллинские купцы и помещики из Эстляндии. Некоторые местные купцы находились с ним в родственных отношениях, например, «своаяки» («myne schwagere» — зятя? шурины?) Эверт Экхольт, Мартин Гарфельдт, Тони Фикке и ряд других.

Среди наиболее часто упоминаемых в нашем источнике русских клиентов, поставлявших Элерсу товары подчас на весьма крупные суммы, встречаем «владыку руссов из Новгородсда» (это, по-видимому, архиепископ Макарий, сидевший в Новгороде до перевода на московский митрополичий престол в 1542 г.), новгородцев Ивана Медовника и Павла Дмитриевича Schognau (Чернов? Шорнов?), а также ивангородцев (называемых только по именам: Данило, Тимофей, Павел и Андрей) и множество других, уже безымянных «руссов». Обширны и разносторонни территориальные связи О. Элерса. В западном направлении они охватили практически весь огромный район северо-европейской торговли. Не считая местных, восточно-балтийских портов во главе с Ригой, сюда входили Любек и Гданьск (упоминаемые в источнике чаще всех остальных), северо-западные немецкие города (Гамбург и Дортмунд), фландрские (Брюгге) и, разумеется, голландские города (Амстердам, Кампен, Фер или же вообще «Зеландия»). Крайней географической точкой на юго-западе Европы был Лиссабон, откуда летом 1537 г. прибыла для Элерса большая партия соли (л. 33 об.).

Торговые связи со Скандинавией, судя по книге О. Элерса, были весьма ограниченными. Прямо упоминаются лишь приезжавшие в Таллин «шведы», а из городов — Выборг и лишь однажды Стокгольм. В октябре 1536 г. Элерс приобрел на таллинском рынке четыре бочонка сливочного масла, считая 16 марок за бочку. Товар происходил, несомненно, из шведских владений (swetze botteren); в марте следующего, 1537 г., это масло было перепродано П. Шарпенбергу по 17 марок за бочку, т. е. с выгодой (л. 25 об.). Аналогичные операции с маслом производились осенью 1537 и весной 1538 г. Поставщиком масла был здесь некий «Андрей из Выборга», возможно — Андрей Шливер, который поддерживал с Элерсом постоянную связь и был его должником: 11/X 1537 г. за ним числилось $49\frac{1}{3}$ марки (л. 41 об.), а 29/IX 1539 г. — $4\frac{1}{5}$ марки (л. 57 об.). Судя по одной записи, часть масла в конечном счете попадала в Амстердам (л. 43 об.). В августе 1540 г. Элерс зафиксировал покупку 1 ласта ржи, поступившей также из Выборга (л. 70); предназначалась она, несомненно, для дальнейшей отправки на запад. В 1536 г. некий «швед из Стокгольма» выменял у Элерса за голландское полотно 1 ласт железа (Osemundes), оцененного в 60 марок (л. 25). Из ввозных, западноевропейских товаров, переправлявшихся через Таллин в Карелию или Финляндию, дважды упоминается соль. Осенью 1537 г. О. Элерс продал какому-то «шведу» 2 ласта соли за $92\frac{1}{3}$ марки и тому же «Андрею из Выборга» тоже 2 ласта, за $97\frac{1}{4}$ марки; в последнем случае соль отдавалась в обмен за шведское масло (л. 41 об.).

Возможно, что торговые связи таллинского купца со скандинавскими землями и, в первую очередь со Швецией, были интенсивнее и разнообразнее, чем об этом может сказать рассматриваемый документ. Привозные товары, как уже отмечалось, в книге Элерса фиксировались не полностью. Это относится, в частности, и к металлам, отпущенных на таллинском рынке в Нарву, Тарту и в Новгород за 1536—1540 гг. составил примерно 3,7 тыс. марок. Часть этих металлов (олово, медь) поступала из Любека, о происхождении остальных, например, олова (на 876 рижских марок), свинца (300 ма-

рок), проволоки (Ruggessch dradt, Akes dradt — на 869 марок), в источнике просто не говорится. Можно поэтому предполагать, что часть ввозимых металлов (не исключая и те, которые попадали сюда через Любек), подобно упомянутой выше партии железа, происходила из Швеции.

*

Обратимся теперь к главным статьям торговли О. Элерса, имея в виду прежде всего товары, предназначавшиеся для экспорта в Западную Европу.⁵

В составе закупок явно преобладал воск. За период 1534—1540 гг. (68 записей) Элерс купил около 300 берковцев воска, в том числе на таллинском рынке — 113 берковцев, получил из Новгорода — $81\frac{1}{4}$, из Тарту — $58\frac{1}{2}$ и из Нарвы — 46 берковцев. В самом Таллине он приобретал его у других здешних купцов, притом — сравнительно небольшими партиями, в каждой по 1—2 «штуки» (stuck, stroe = $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ берковца). Наиболее крупные партии воска в Таллине были куплены у Германа Дюстера (сентябрь 1539 г. — 10 берковцев в четырех «штуках») и у Генриха Хеллевега (июнь 1540 г. — $9\frac{1}{4}$ берковца в трех «штуках»). Крупнейшим поставщиком воска из Новгорода был архиепископ (Wladycko der Reussen van Nouwegoroedt), от которого в сентябре 1537 г. поступило восемь «stroe», или без малого 29 берковцев чистого веса, за вычетом упаковки (л. 40 об.). Оттуда же крупные партии воска прислали Иван Медовник (август 1537 г. — свыше 13 берковцев), Павел Дмитриевич Чернов (август 1540 г. — почти 20 берковцев) и безымянный «новгородец» (август 1537 г. — 10 берковцев и 17 пудков). Из Тарту воск для Элерса присылали с подводами Дитрих Шредер (например, осень 1537 г. — $20\frac{1}{2}$ берковцев в восьми «штуках», больших и малых) и Генрих Бук (июль 1535 г. — 5 «штук», или 13 берковцев и 16 пудков). В качестве постоянных компаньонов Элерса оба названных поставщика обычно получали от него ссуду деньгами или товарами, которые шли на приобретение воска у русских людей, приезжавших в Тарту. Поставка воска из Нарвы тоже осуществлялась через немецких посредников, но имела в виду опять-таки, очевидно, русский товар. Находившийся постоянно в Нарве компаньон Элерса Генрих Конне прислал, например, в конце 1540 г. 14 берковцев (л. 73 об.), несколько меньшие партии посылали отсюда Э. Экхольт (1534 г.) и И. Герке (1538 г.). Огромное значение воска в торговле О. Элерса, получавшего его главным образом из русских земель через Тарту и Нарву, а также прямо из Новгорода, подтверждает наблюдения А. Хорошкевич о передвижении воцанной торговли из рижского хинтерланда в более северные районы.⁶ Как складывалась дальнейшая судьба этого воска? Судя по записям самого Элерса, часть он продавал в Таллине (и тогда сделка фиксировалась подробно, с указанием выручки и т. д.), большую часть отправлял на кораблях за границу. В последних случаях ставилась просто отметка о том, что вышеупомянутый воск (без точного указания о его количестве, цене и т. п.) отправлен морским путем («schepede Ick») «из Таллина через Зунд в западном направлении» или же более конкретно — в Любек, Амстердам, Гданьск и т. д.

Второе место в закупках товаров для экспорта занимали лен и пенька. За те же годы имеем 24 записи, отражающие приобретение 315 берковцев льна, в том числе — в Нарве 132, в Тарту $71\frac{1}{3}$, в Ивангороде — $54\frac{1}{2}$ и в самом Таллине — около 57 берковцев. Главным поставщиком льна из Нарвы являлся уже знакомый нам Генрих Конне. Только в течение февраля-мая 1537 г. от него поступило 32 «fate» (т. е. около сотни берковцев) льна высшего качества (hylgen flaess), причем $\frac{2}{3}$ указанного количества было доставлено зимой, на снях (myt sleden), а $\frac{1}{3}$ — ранней весной, на мелких судах (myt Schueten). Из Тарту лен поступал всегда от Д. Шредера, притом — крупными партиями (май 1535 г. — $22\frac{1}{2}$ берковца «hylgen flasse» и около 3 берковцев

⁵ Как отмечает Г. Миквиц (Aus Revaler Handelsbüchern, стр. 37), прямая торговля Таллина со Стокгольмом приобретала существенное значение в годы, когда военные действия на Балтийском море нарушали традиционные связи между Швецией и южно-балтийскими портами — Любеком и Гданьском.

⁶ А. Л. Хорошкевич, Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 152.

более дешевого сорта, так наз. *dorpische knoppen*). Большая часть этого льна была, несомненно, эстонского происхождения, однако в отдельных поставках из Тарту фигурировал также и «русский лен» (л. 91), поступавший в Таллин как через Нарву, так и из Ивангорода. В записи от 26/VII 1539 г. встречаем необычно большую партию «*hylge flass*» — свыше 43 берковцев, купленных «у некоего русса из Ивангорода, по имени Тимофей» (л. 53). В отметках о приобретении льна на таллинском рынке встречается, кроме названных выше, самый дешевый сорт льна — «*regnawische knoppen*» (май 1535 г. — 11¼ берковца), поступавший из района Пяриу. Пенька (всего 139 берковцев) закупалась у немцев — у «свояка» К. Филта и Г. Дюстера, притом всегда оптом, крупными партиями. Следует полагать, что эти поставщики О. Элерса сами приобретали пеньку у русских людей. В поставках из Тарту (как, впрочем, и из Нарвы) пенька вообще не встречается, но эпизодическое упоминание о покупке ее у какого-то ивангородца (л. 67) свидетельствует о русском происхождении данного товара. Насколько можно судить по отдельным случайным отметкам изучаемого источника, лен продавался на корабли, приходившие в Таллин из Любека (л. 33 об.) и Гданьска (л. 13 об.), пенька же сбывалась в таллинской гавани в порядке обмена за привозные товары — сельдь, металлы и т. п.

Третьей важнейшей статьей экспортных операций О. Элерса было говяжье сало (*Talg*), которого на протяжении 1533—1539 гг. было приобретено свыше 300 берковцев. В своей подавляющей массе этот товар поступал из Нарвы, от Генриха Конне. Будучи компаньоном Элерса, последний почти каждый год, обычно в мае-июне (т. е. морским путем), направлял в Таллин закупленные заранее крупные партии «нарвского сала» (*narwasse tallych*). Так, в июне 1536 г. Г. Конне прислал в 20 бочках (*fate*) 63 берковца, в мае-июне 1537 г. — 16 бочек, т. е. около 50 берковцев, в мае 1538 г. — еще 40½ берковцев в 12 бочках и т. д. Столь же регулярно и, пожалуй, в не меньших количествах поставлял «дерптское сало» (*dorpes tallych*) другой компаньон Элерса — Д. Шредер из Тарту. Например, весной 1534 г. он прислал 36 берковцев, в феврале 1535 г. (санним путем) — 47½ берковцев, а в мае того же года — 21½ берковец сала. В новгородских и ивангородских поставках этот товар вообще не встречается, но в Нарву и Тарту он поступал, видимо, главным образом из русских земель. В таллинской гавани «нарвское сало» шло на оплату привозной соли (л. 45 об.), в других случаях отправлялось в Любек (л. 23 об.) или вообще «за море».

Четвертое место — по стоимости закупленного товара — в сделках О. Элерса занимала рожь. Всего ее за 1534—1541 гг. было приобретено свыше 120 ластов, в том числе по таллинским сделкам купца — около 80 ластов, а в виде поставок из Нарвы — 37 ластов и из Тарту — 5 ластов. В отличие от перечисленных выше поставщиками ржи были в основном помещики из Эстляндии. К примеру, у Отто Туве было куплено в декабре 1534 г. 6½ ластов, в июле 1535 г. 5 ластов, в январе 1537 г. 5 ластов. В числе поставщиков ржи и отчасти солода (13 ластов) упоминаются также вдова помещика О. Врангеля (февраль 1537), орденский комтур в Вильянди (февраль 1541), фохт из Аренсбурга (весной 1541 г.) или же вообще дворяне (*hovemann*), доставлявшие рожь в Таллин (июнь 1536). Характер других записей о покупке хлебов, особенно мелкими партиями («купил у городских ворот», л. 9 об.), не исключает возможности, что в отдельных случаях хлеб доставляли также крестьяне. В записи 1540 г. прямо говорится, что около ½ ласта солода было куплено у крестьян («*von den bigen*»), причем в девять приемов, каждый раз по несколько пур (л. 70 об.). Однако такие случаи — редкость. Трудно определить происхождение ржи, которую присылал из Нарвы Генрих Конне (в мае 1537 г. на трех небольших судах 186 мешков, или более 10 ластов; в июне-июле 1538 г. и тоже по морю — 461 мешок, приблизительно 20½ ластов «нарвской меры»). Частично это могла быть и русская рожь, однако прямых указаний на это в источнике нет. Зерно, как и другие закупленные товары, отправлялось за море (*geschepet*), конкретно — с гданьскими шкиперами, в Зеландию (л. 35 об.) и т. п.

Список предметов экспорта, имевших существенное значение в сделках О. Элерса, замыкают такие товары, как шкуры и пушнина. Их происхождение ясно: они поступали из русских земель. Наиболее крупные партии шкур и кож, обработанных и

сырых, привозились из Нарвы, от Генриха Конне (например, в 1535 г. — 500 штук «*gode hude*» и 3 тюка «*droge ledder*»; в 1540 г. — 430 тех же «*droge ledder*»). В сентябре 1536 г. у какого-то новгородца Элерс приобрел 348 штук сырых (засоленных) шкур и 126 штук красной юфти, а у ивангородца Данилы — 124 штуки «соленых» и «сухих шкур» (л. 25). В привозе из Тарту этот товар вообще отсутствует, а в записях о закупках на таллинском рынке дважды (лл. 25, 65) указывается на то, что Элерс покупал «русские шкуры», преимущественно воловы и коровы. Всего через руки купца за рассматриваемый период прошло около 450 «десятков» (*Decher*) различных шкур или кож, причем наиболее дорогим сортом была красная юфть.

Ввиду крайне разнообразного ассортимента мехов невозможно установить их количество. Судя по стоимости отдельных партий пушнины, ее заготовка происходила главным образом в Нарве. Лишь в марте 1535 г. оттуда поступило разных мехов (*lastken*, *wupsteten*) на сумму в 455 рижских марок (л. 13); по другой записи в том же году «из Тарту, а также из Нарвы» мехов (в том числе горностаевых) Элерс получил на 948 марок (л. 13 об.). В феврале-марте 1540 г. новгородцы Павел и Иван продали ему горностаевых шкур на 322 марки (л. 59 об.). Скромная роль пушнины как вообще в оборотах О. Элерса, так и в поставках из Великого Новгорода, бросается в глаза при сопоставлении с положением дел в XIV—XV вв., когда, по утверждению А. Хорошкевича, меха занимали первое место в новгородском экспорте.⁷ Почти $\frac{2}{3}$ пушнины, полученной нашим купцом, поступило из Нарвы. Возможно, что большая ее часть происходила в конечном счете из новгородских земель. Однако то обстоятельство, что пушные товары в закупках Элерса составляли не более 4% их стоимости, указывает на уменьшение роли этих товаров в XVI веке.

Помимо перечисленных выше, в закупках О. Элерса встречаются и такие товары, как ворвань (из Нарвы), масло (из Выборга), мыло (из Ивангорода), полотно (из Ивангорода, из Пскова), рыба (лосось) и некоторые другие. Однако существенного значения в его оборотах они не имели.

Товары, приобретаемые для экспорта в Западную Европу, О. Элерс оплачивал либо деньгами, либо другими, импортными товарами. Движение последних отражено в «памятной книге» купца, как уже отмечалось, лишь фрагментарно. Не вызывает, однако, сомнения, что первое место в торговле импортными товарами занимала соль, за ней шли сельдь, ткани, всякого рода металлы (железо, медь, цинк, свинец, олово, серебро) и металлические изделия, всевозможные пряности, заграничные вина, хмель и т. п.

Согласно дюжине записей, отражающих приобретение соли, О. Элерс в 1535—1541 гг. закупил ее около 230 ластов. Так, в феврале 1535 г. он купил в Таллине сразу 4 ластва (л. 9 об.). В июле 1537 г. купец с удовлетворением («*got hebbe danck!*») отмечает прибытие в порт каравеллы из Лиссабона, наполненной солью. Фиксируя количество соли, полученной от трех шкиперов в обмен за погруженные на корабли рожь и лен, О. Элерс насчитал летом этого года около 72 ластов (л. 34 об.). Сложив эту соль в свой погреба («*under tyn stenhues kelleren*»), он тогда же начал распродажу. В Нарву для Г. Конне было отправлено морем с четырьмя небольшими судами 37 ластов; в Ивангород — $4\frac{1}{2}$ ластва, какому-то «руссу» — почти 4 ластва, одному «шведу» — 2 ластва, «Андрею из Выборга» — 2 ластва и, кроме того, не менее 30 ластов было распродано в самом Таллине (лл. 35 и 45 об.). В мае следующего, 1538 г., с корабля («*vt den Schere*»), прибывшего из Гданьска, Элерс получил еще 80 ластов соли, оплатив их частично деньгами, частично рожью и салом (л. 45 об.). Аналогичным образом с кораблей, прибывавших в гавань с французской солью (*browasze Szolt*), было получено летом 1539 г. — около 13 ластов, в 1540 г. — 10 ластов, в 1541 г. — более 30 ластов. Часть соли, видимо люнебургской, поступала из Любека (август 1538 г. — 14 ластов). Проследившая дальнейшую участь соляных грузов, поступающих к Элерсу за все эти годы, легко обнаружить, что в подавляющей части они попадали в русские земли. Только в Нарву было отправлено не менее 70 ластов, в Ивангород — более 10 ластов.

⁷ А. Л. Хорошкевич, Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках, стр. 121.

что же касается распродажи соли на таллинском рынке (115 ластов), то и она в большинстве случаев имела в виду тех же «руссов», бравших ее в порядке оплаты поставленных ими товаров.

В отметках Элерса зафиксировано всего 27 ластов закупленной сельди («Alborgsche und Schons Negypnck»). В действительности через его руки должно было пройти значительно больше, так как только в Нарву в разное время было отправлено свыше 30 ластов (в 1535 г. — почти 6 ластов, в 1536 г. — более 1 ластва, в 1537 г. — более 10 ластов, в 1538 г. — 2 ластва, в 1540 г. — 11 ластов, в 1541 г. — 14 бочек). Сукна (Nertsche, Engelss, Popperinge, Hollands, Brugges etc. Laken) и прочие ткани (Damast, Flouwel, Szayden) учитывались тоже явно не полностью: подсчет сумм на приобретение тканей показывает 2347 рижских марок, а на их продажу — 5641 марку, в том числе в Нарве — на сумму в 3120 марок, в Таллине — 1403 марки и в Тарту — 968 марок. Металлов (если не считать 89 «штук» меди, стоимость которой не обозначена) было закуплено на 2900 марок, а распродано — на 3700 марок. Отметим в этих продажах особенно крупные партии олова, которые отправлялись в Нарву (в 1540 г. — $9\frac{1}{2}$ берковцев за 1152 марки) и в Новгород — тамошнему архиепископу (в 1538 г. — $5\frac{1}{5}$ берковца на сумму в 570 марок); в обоих приведенных случаях олово шло на оплату воска.

Особое значение в оборотах Элерса имели золото и серебро; первое — в иностранной монете («Spansche Krossaten»), второе — главным образом в слитках («mark loduch»). Получая его от иноземцев (как за товары, так и за местные деньги), Элерс оплачивал драгоценным металлом значительную часть товарных поставок и в первую очередь русский товар. Из розданных таким образом поставщикам 12 236 рижских марок (в слитках и чистой монете) более половины пришлось на оплату новгородских поставок, особенно воска. Так, осенью 1537 г. новгородский «владыка» получил за свой воск 126 серебряных марок, что в переводе на местные деньги составило 3024 рижских марки, а какие-то «руссы» из Новгорода — то же серебро в слитках (49 серебряных марок стоимостью в 1174 рижских марки). К такому же способу Элерс прибегал и в расчетах с поставщиками из Нарвы (уплатив в 1534 г. за воск 100 испанских золотых, что соответствовало 825 рижским маркам), из Тарту (в 1534 г., тоже испанской монетой — за сало) и т. д. Из прочего импортного товара, используемого купцом для оплаты поставок своих местных клиентов, упомянем вина (рейнские, испанские и французские), колониальные товары (шафран, имбирь, фиги и т. п.) и всякого рода скобяные товары (Kramgut). Точно учесть все эти статьи практически невозможно, однако значение их было определено трехстепенным.

Попытаемся дать общее представление о годовом обороте торговли О. Элерса. В табл. 1 суммированы результаты подсчетов, сделанных на основании записей 1535 и 1537 гг. В силу особенностей источника товары для экспорта учитывались лишь в плане закупок, а импортные товары (используемые, как правило, для покрытия экспортной массы) — только по данным об их продаже в Таллине и его хинтерланде.

Структура торговли купца в разные годы, как видно, менялась, и это естественно. Выше уже отмечалось, что закупка товаров для экспорта в книге О. Элерса отмечалась систематически и более полно, нежели сделки по привозным товарам. Это обстоятельство нашло отражение и в табл. 1. Удельный вес тех или иных товаров в группе А хотя и менялся, но менее резко, чем показатели в группе Б. Не вызывает сомнения, что первое место в закупках занимал воск. Наряду с ним большое значение имели лен и сало; роль прочих товаров (зерно, шкуры, меха) была хотя и значительной, но все же второстепенной. Гораздо труднее составить определенное представление об импорте О. Элерса: тут разница между отдельными годами слишком существенна.

Суммарный подсчет всех сделок купца за 1534—1541 гг. в какой-то степени элиминирует влияние годовой конъюнктуры и дает более общие показатели структуры его оборотов. Ниже приводятся результаты подсчета, показывающие удельный вес тех или

Таблица 1

Структура годовых оборотов в 1535 и 1537 гг.
(по стоимости товаров в рижских марках)

Товары	1535		1537	
	На сумму	%	На сумму	%
А. Экспортные товары (закупки)				
Воск	3089	35,1	8 205	65,1
Лен	1824	20,7	2 112	16,7
Сало	1574	17,9	1 200	9,4
Рожь и солод	515	5,8	594	4,7
Шкуры	406	4,6	445	3,6
Меха	1403	15,9	—	—
Прочее	—	—	48	0,5
Всего	8811	100,0	12 604	100,0
Б. Импортные товары (продажи)				
Соль	117	10,6	3 455	31,7
Сельдь	570	51,5	650	5,9
Сукно	420	37,9	436	3,7
Металлы, изделия	—	—	130	1,2
Серебро и золото	—	—	6 271	57,5
Всего	1107	100,0	10 941	100,0

инных товаров (исчисленный по их стоимости) на протяжении всего изучаемого периода: О. Элерс приобрел местных (восточноевропейских) товаров примерно на сумму в 60 000 рижских марок; при этом в Таллине — на 19 790 марок, получил из Тарту на 11 300 марок, из Нарвы — на 16 940 марок, из Новгорода — на 9 330 марок, из Ивангорода — на 1 680 марок и вообще от «руссов» (включая одного псковича) — на 1 280 марок. Отпуск западноевропейских товаров за те же годы составил около 35 000 марок; при этом в Таллине было реализовано разных товаров на 8 170 марок, в Тарту — на 4 800 марок, в Нарве — на 12 830 марок, в Новгороде — на 7 210 марок, в Ивангороде — на 600 марок и вообще «руссам» — на 1 230 марок. Какие именно товары приобретались на том или ином рынке (и, соответственно, направлялись туда), показывает табл. 2.

При оценке данных табл. 2 необходимо иметь в виду, что многие из товаров, за-

Таблица 2

Структура торговых сделок Элерса и направления его деловых связей в 1533—1541 гг.
(в процентах, по стоимости товаров)

Товары	Всего на сумму		Где куплено или продано, %					Прочие
	марок	%	Таллин	Тарту	Нарва	Новгород	Ивангород	
А. Экспортные товары (закупки)								
Воск	32 811	54,6	38,0	19,8	16,1	26,1	—	—
Лен	7 709	12,7	9,7	22,6	42,8	—	16,9	8,0
Пенька	2 255	3,7	100	—	—	—	—	—
Сало	7 082	11,7	2,2	36,5	61,3	—	—	—
Зерно	4 481	7,4	71,3	24,7	4,0	—	—	—
Шкуры	2 551	4,3	26,9	—	42,0	17,4	4,9	8,8
Меха	2 375	3,9	—	13,4	62,0	13,6	—	11,0
Прочее	1 061	1,7	26,0	—	34,0	—	2,4	37,6
Всего	60 325	100,0	32,8	18,7	28,1	15,5	2,8	2,1
Б. Импортные товары (продажи)								
Соль	9 218	26,6	45,6	1,0	36,9	—	4,8	11,7
Сельдь	3 605	10,4	26,9	—	73,1	—	—	—
Ткани	5 641	16,2	25,0	17,2	55,7	—	2,1	—
Металлы, изделия	3 698	10,7	41,2	10,9	32,5	13,4	—	—
Серебро, золото	12 236	35,3	—	27,3	19,4	54,4	—	—
Прочее	286	0,8	27,3	—	72,7	—	—	—
Всего	34 684	100,0	23,5	13,8	37,0	20,8	1,6	3,3

купленных или проданных в самом Таллине, тоже привозились из Тарту, Нарвы, Новгорода и т. д. или же соответственно направлялись туда. Поэтому роль названных городов в деловых связях Элерса должна была быть фактически несколько большей, чем это видно из соответствующих рубрик. Нарва служила основным поставщиком мехов и сала, шкур и льна; в обмен за эти товары туда направлялись главным образом ткани (сукино), соль, сельдь и металлы. Почти все эти товары, за исключением шкур и сельди, были представлены также в сделках купца с поставщиками из Тарту с той разницей, что тут особенно выделяется роль воска, с одной стороны (на 6472 марки, или более половины поставок из Тарту), а с другой — драгоценных металлов (более половины этих поставок оплачено серебром или золотом). В еще большей степени та же особенность характерна для торговли Элерса с Новгородом: воска оттуда прибыло на 8565 марок (что составляет более $\frac{9}{10}$ стоимости всех новгородских товаров), оплачивался же он почти исключительно серебром — в слитках и иностранной монете. Что касается, наконец, Ивангорода, то в поставках оттуда явно преобладал лен, оплачиваемый солью и сукнами.

*

Характер торговых сделок О. Элерса с его контрагентами, кем бы они ни были, обнаруживает одну примечательную особенность. В большинстве случаев перед нами не акты купли и продажи товара за деньги, а безналичные сделки по обмену одного товара на другой.⁸

Наиболее ярким примером транзакций такого рода была отправка заграничных товаров в Тарту и Нарву ближайшим клиентам Элерса с условием возместить эти ссуды поставкой товаров местного происхождения. Так, в марте 1535 г. Генриху Коине послано было в Нарву соли и сукон на сумму в 859 марок, а в июле 1537 г. — еще 36 ластов соли по цене в 45—50 марок за ласт; тот должен был обменять (*verbuten*) их на воск, сало, лен и другие товары и доставить их в Таллин (л. 12 об., 35). В сентябре 1540 г. Элерс фиксировал наличие на его нарвском складе 11 ластов ольборгской сельди, считая по 100 марок за ласт, сельдь была оплачено воском (л. 68 об.: «*de last (herunge) stet my betält myt wasse*»). То же самое видим в сношениях Элерса с Дитрихом Шредером из Тарту. Осенью 1538 г. он послал Шредеру доставленную из Любека партию олова (л. 50 об.). В июне 1539 г. Шредер в порядке оплаты данной товарной ссуды послал с фурманом в Таллин одну «штуку» воска, весившую 3 берковца 13 пудков, считая берковец по 110 марок. Получив этот воск, Элерс вскоре продал его некоему И. Эделингу из расчета берковец за 112 марок, все за 414 $\frac{1}{2}$ марок. На деле, однако, и эта продажа наполовину была актом простого обмена, так как Эделинг дал за него деньгами лишь около 200 марок, другая же часть названной суммы, а именно 210 марок, была покрыта одной «штукой» ткани (42 локтя «*fleuwel*», л. 52).

Такие же по существу обменные акты представляли собой многие сделки Элерса с приезжими шкиперами и зарубежными гостями. Так, в мае 1538 г. Элерс сторговался («*kopslage Ick*») с только что прибывшим шкипером об оплате полученной с корабля партии соли (80 ластов), оцениваемой по 35 марок за ласт. На судно было погружено 40 $\frac{1}{2}$ берковцев нарвского сала по 23 марки (934 марки) и 56 $\frac{1}{4}$ ластва ржи по 31 марке (1744 марки). Стоимость сала и ржи составила, таким образом, 2678 марок; деньгами была оплачена лишь небольшая часть соли, на сумму в 112 марок. Как бы подчеркивая натуральный характер сделки, запись купца прямо указывает на то, что 1 ласт соли считался в данном случае равным 1 $\frac{1}{8}$ ластва ржи (л. 45 об.). Сходным образом в августе 1539 г. был произведен расчет с другим прибывшим в Таллин шкипером, который привез Элерсу более 7 ластов соли по условной цене в 28 марок за ласт. За каждый ласт соли Элерс поставлял 2 ластва ржи. Разница в стоимости одной и другой

⁸ По терминологии Г. Миквица — *Verrechnungshandel*, которая, по его наблюдению, преобладала в торговле таллинских купцов как с эстляндскими помещиками (торговые книги И. Сельхорста) и крестьянами (сделки Я. Каппенберга), так и с русскими (см. G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern*, стр. 29, 31, 33).

массы товара определялась по принципу: за каждый ласт соли нужно было давать ласт ржи и 4 марки деньгами (л. 55 об.).

Все транзакции этого рода (а их очень много) совершались, конечно, с учетом определенной цены товара, выраженной в денежных единицах. Но деньги как таковые часто вообще отсутствовали, они служили лишь мерой оценки обмениваемых товаров, а если и появлялись на свет, то только в момент окончательного расчета между покупателем и продавцом. Это касается сделок не только между купцами (все равно — местными или приезжими), но и между купцом с помещиками или крестьянами. Один и тот же товар (экспортный или импортный) проходил через несколько рук, причем термины «продал» или «купил» часто обозначали акты товарообмена. «Продав», например, Герману Болеманну 15 ластов соли за 577 рижских марок, Элерс получил за нее не деньги, а олово, из расчета по 112 марок за берковец. В свою очередь, эта партия олова была отправлена «владыке» из Новгорода, который заплатил за нее воском, считая за каждый берковец воска 21 пудок олова (л. 47 и 48 об. — 1538 г.). В начале 1540 г. Элерс от того же Г. Болеманна купил свыше 7 берковцев воска за 711 марок. Однако и в этом случае деньги в качестве платежного средства выступили на сцену только в момент окончательного расчета, когда обнаружилось, что стоимость поставленной Элерсом соли (более 25 ластов) превысила цену воска на $32\frac{1}{2}$ марки. Характерно, что даже этот остаток, столь незначительный по сравнению со всей суммой, Болеманн погасил опять-таки не деньгами, а тем же воском. Когда этот воск взвесили, его оказалось 9 пудков и 3 фунта, что соответствовало $45\frac{3}{4}$ марки, т. е. больше, чем следовало. Поэтому в самом конце многоступенчатой сделки Элерс должен был выплатить Болеманну разницу в $13\frac{1}{4}$ марки, на это раз деньгами (л. 60).

Как уже отмечалось, во многих случаях, особенно в сделках Элерса с его русскими поставщиками, товары оплачивались серебром (в слитках и талерах) или золотом (в монетах). Это, конечно, тоже не купля-продажа, а товарообмен, хотя и особого рода. Элерс получал драгоценные металлы из Любека и Голландии как плату за свои товарные поставки и, кроме того, запасался ими на таллинском рынке. Он специально покупал, например, чистое серебро (Mark loduch) за рижские марки с тем, чтобы при случае обменять его на обычный товар. В глазах самого купца это была не продажа, а именно обменная сделка, о чем свидетельствует терминология соответствующих записей. Так, в сентябре 1537 г. он записал в своей «памятной книге»: «Zo butede ick to Reuell von einem Reussen van Nouwegoroedt 8 klock Stuck Wass» (За 30 берковцев воска отдано было 126 марок и 6 лотов чистого серебра, стоившего на таллинском рынке около 3030 рижских марок) (л. 40 об.). То же выражение «обменял» («butede ick») встречаем в других аналогичных сделках, имевших в виду погашение русских товаров слитками серебра или же иноземной монетой — немецкими талерами, испанскими золотыми («dubbelde krossaden») и т. д. (лл. 37 об., 38, 62 об.).

*

Торговые записи таллинского купца дают представление о таких важных вопросах, как транспортные издержки, размеры купеческой прибыли и т. п. В зависимости от условий каждой конкретной сделки по купле-продаже того или иного товара положение складывалось по-разному.

Вот, например, несколько сделок О. Элерса по наиболее важному в его оборотах товару — воску. Согласно записи от 19/III 1537 г., Элерс получил от таллинского купца Э. Ротерта 1 «штуку» чистого воска из расчета 106 марок за каждый берковец и тут же, в Таллине, продал его А. Пакебушу, но уже по цене в 110 берковцев (л. л. 29 об. и 30 об.). На Иванов день 1541 г. Элерс купил у Г. Дюстера 4 берковца чистого воска по 107 марок, а через месяц (20 июля) продал его тому же А. Пакебушу по 112 марок за каждый берковец (л. 78). Поскольку акты купли-продажи в обоих случаях произошли в самом Таллине, вопрос о транспорте воска здесь просто отпадает. Зарабатывая на каждом берковце по 4—5 марок, купец получал торговую прибыль порядка 4—5% от покупной стоимости товара. Сложнее обстояло дело в третьей сделке. Соглас-

но записи от 21/VI 1539 г., фурман из Тарту привез от Дитриха Шредера более $3\frac{1}{2}$ берковца воска, посланного за оплату олова, «считая берковец по 110 марок». Указаны транспортные издержки, они были невелики: Шредер дал фурману при отправке товара из Тарту 2 марки, Элерс уплатил ему в Таллине еще $2\frac{1}{4}$ марки. Издержки за перевозку берковца воска сухим путем от Тарту до Таллина составили, таким образом, около $1\frac{1}{5}$ марки. В Таллине воск был продан (точнее, отдан как плата за полученные ткани), считая берковец по 112 марок (л. 52). Если учесть издержки (которые едва ли ограничивались перевозкой товара), то эта сделка видимой прибыли не дала.

А вот несколько сделок по другим товарам, предназначавшимся к экспорту. По записи от 26/V 1535 г., в Таллине был куплен лен (hylgen flass), всего в трех «fate» — около $16\frac{3}{4}$ берковцев по 20 марок за каждый. 14/VIII 1535 г. Элерс уступил этот лен своему приказчику Петру Шарпенбергу, который отправился в Гданьск со шкипером О. Витте и обязался по возвращении уплатить Элерсу за каждый берковец льна по 22 рижских марки (л. 13 об.). Прибыль купца составила 10% первоначальной стоимости купленного товара. В марте того же года из Нарвы было доставлено 500 «штук» кож (gode hude) по 21 марке за сотню (л. 13). В Таллине кожи были распроданы в несколько приемов, по 23, 24 и 25 марок, а в среднем — 24 марки за сотню (л. 14 об.), что дало Элерсу около 14% торговой прибыли. В июне 1536 г. купец записал о получении от Генриха Конне 20 бочек «нарвского сала» («Narves tallych») — почти 63 берковца чистого веса по цене в 23 марки. Согласно записям от 19/VI и 17/VIII 1536 г., часть этого сала (45 берковцев) была продана в Таллине по $25\frac{1}{2}$ марок за берковец (прибыль — около 11% первоначальной цены), остаток же был отправлен с любекским шкипером и условия продажи его там неизвестны (л. 23 об.). В обеих последних сделках товар (кожи и сало) поступал из Нарвы. Входил ли морской фрахт товара от Нарвы до Таллина в их первоначальную стоимость — неясно. Судя по одной записи 1540 г., транспортные издержки на этой трассе составляли не более 1—2% стоимости товара (л. 64). Поэтому торговая прибыль купца, если и была меньше 11—14%, то не намного. Последний пример касается шведского масла (4 бочки, или $53\frac{1}{2}$ лисфунта), которое осенью 1536 г. было куплено по цене в 16 марок, а весной следующего года продано по 17 марок за бочку, т. е. с прибылью около 6% (л. 25 об.). Остается подчеркнуть, что все приведенные примеры имеют в виду реализацию экспортных товаров в самом Таллине. Насколько выгоднее была для Элерса торговля ими при реализации на западных рынках (например, в Любеке, Амстердаме и т. д.), сказать невозможно, так как итоги сделок такого рода в источнике не зафиксированы.

Приведем ряд примеров торговли Элерса импортными товарами западноевропейского происхождения. $5\frac{1}{6}$ ластов ольборгской сельди, купленных в Таллине у И. Герке, обошлись Элерсу при первоначальной покупке («erstes kopes») по 75 марок за ласт (л. 8 об. — 9/VI 1535 г.). В Нарве та же сельдь продавалась (точнее обменивалась на другие товары), как сообщал оттуда Г. Конне, по 85 марок за ласт (л. 12 об.). По записи от 14/VII 1540 г., тот же сорт сельди (4 ластва) покупался (в обмен за олово у А. Пакебуша) из расчета по 90 марок (л. 66 об.), в Нарву же она доставлялась уже по 95 марок за ласт (л. 67 об. — 26/VII 1540 г.). В первом случае прибыль Элерса в сделке с ольборгской сельдью могла бы составить 13%, а во втором — почти 6% ее покупной стоимости. Поскольку, однако, она продавалась в Нарве, следует считаться с возможностью, что транспортные издержки тут не учитывались, хотя они были довольно значительными и, например, в 1537 г. составляли 5—6% стоимости отправляемой в Нарву сельди (л. 27—27 об.). О выгодности операций с сельдью свидетельствует третий пример, когда этот товар и покупался и продавался в самом Таллине. В июле 1540 года $5\frac{1}{2}$ ластов сканской сельди (schönesch herynck) было приобретено у приехавшего из Гданьска купца по 86 марок за ласт и вскоре продано тут же, в Таллине, по 102—105 марок за ласт, т. е. с прибылью в 12% (л. 22).

Меньшую прибыль, порядка 4—6%, давали сделки Элерса по купле-продаже сукна и олова, происходившие опять-таки в самом Таллине. Весной 1537 г. купец приобрел у «своего гостя», приезжего купца И. Герке, 30 штук наарденского сукна, голубого и зеленого, по 14 марок (л. 25 об.). Продавалось это сукно мелкими партиями, по $14\frac{1}{2}$ —15

марок за штуку; уплатив за сукно 420 марок, Элерс выручил за него 436 марок (л. 26). Большая партия олова (в 36 «штуках» — почти $7\frac{1}{2}$ берковцев) летом 1540 г. покупалась в Таллине по 118 марок, а продавалась — по 125 марок (л. 66 об. — 67 об.).

Некоторые операции Элерса, имевшие в виду русскую клиентуру, выглядят даже убыточными. Например, в июне 1538 г. ему удалось выменять у таллинца Г. Болеманна за соль большую партию олова из расчета («an betalyunge an to nemende») по 112 марок за каждый берковец (л. 47). «Вышеупомянутое олово было использовано в июле того же года для оплаты воска, поставленного «владыкой» из Новгорода, но уже по более низкой цене: «It Spt tynnes gereckent op 108 Mk» (л. 48 об.). Аналогичен случай со льном, полученным от ивангородцев. 9/VII 1540 г. Элерс оплатил солью партию русского льна из расчета 30 марок за берковец, а 14/VII 1540 г. этот же лен («boouen-geschgeueene flaes») он уступил А. Пакебушу уже по 28 марок (л. 67). Какой смысл было отдавать олово или лен по более низкой цене, чем покупная? В чем могла состоять выгода для Элерса, когда он получил от архиепископа новгородского, например, воск по цене в 103 (1537 г.) или 113 марок (1538 г.), если он мог приобрести этот воск в самом Таллине приблизительно по той же цене и сам оценивал партии воска, отправляемые в 1537—1538 гг. в Гданьск или Любек, по 105, $107\frac{1}{2}$ марок за каждый берковец (л. л. 30 об., 37 об., 38, 40—42)? Эти секреты торговли и особенно вопрос о купеческой прибыли в имеющемся материале, к сожалению, не всегда раскрываются с желаемой полнотой.

*

Выше подробно рассмотрены масштабы торговли О. Элерса, направление его деловых связей, структура товарной массы и, наконец, характер этой торговли в 30-х — начале 40-х гг. XVI века. Следует еще раз подчеркнуть: речь идет о торговле одного из купеческих домов средневекового Таллина. Отражая общие черты таллинской торговли, «гешефты» Элерса отличаются вместе с тем определенной спецификой. Судя по обобщениям Г. Миквица, в экспорте Таллина первое место занимал хлеб, за ним шли воск, сало, ворвань, лен, конопля, шкуры и меха.⁹ В данном случае — несколько иная картина. В экспортных операциях Элерса профилирующим товаром был воск; его существенно дополняли лен и сало и только отчасти хлеб. Можно сказать, что главную особенность этого торгового дома составляла ориентация прежде всего на товары русского происхождения. Именно данный случай дает наиболее яркое подтверждение тому бесспорному тезису, что транзит русских товаров в Западную Европу был «жизненным нервом» экономики Таллина. Что касается сделок Элерса по товарам импортного происхождения, то их структура (в порядке убывающего значения: соль, ткани, сельдь и металлы) практически не противоречит выводам Г. Миквица, сделанным по материалам торговых домов И. Сельхорта, Г. Фикке, Т. Шмидта и других крупных купцов Таллина, торговавших примерно в тот же период.

В заключение хочется подчеркнуть, что из всех гаваней на Балтийском море, игравших заметную роль в международной торговле, Таллин наиболее богат в смысле сохранности документов средневековой эпохи.

Наличие в таллинском городском архиве ценнейших материалов, к которым не прикасалась еще рука исследователя, позволяет надеяться, что их дальнейшее изучение внесет много новых моментов в историю не только самого Таллина, но и балтийской торговли в целом.

Институт истории
Академии наук Латвийской ССР

Поступила в редакцию
5/VII 1968

⁹ G. Mickwitz, *Aus Revaler Handelsbüchern*, стр. 65—82.

V. DOROSENKO

TALLINNA XVI SAJANDI SUURKAUPMEHE KAUBANDUSLIKUST TEGEVUSEST
(O. Elersi 1534.—1541. aasta kaubaraamatu alusel)

Resüme

Keskaegse Tallinna kaubandus kajastub paljudes mitmesugustes ajalooallikates, eelkõige tema kaupmeeste kaubaraamatutes ja kaubanduslikus kirjavahetuses. Teistel Balti XV—XVI sajandi kaubanduskeskustel, nagu Riia ja Gdansk, on seda laadi allikaid säilinud vähe või üldse mitte. Tallinna kaupmeeste kaubaraamatute tähtsusele, mis ulatub kaugele üle kohaliku ajaloo piiride, juhtis juba omal ajal tähelepanu soome ajaloolane Gunnar Mickwitz oma tuntud uurimuses „Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts“.¹ Pärast Teist maailmasõda pole neid väga väärtuslikke ajalooallikaid peaaegu üldse kasutatud. Käesolevas uurimuses antakse ülevaade Tallinna suurkaupmehe O. Elersi 1534.—1541. aastast pärineva 126-leheküljelise käsitsi kirjutatud kaubaraamatu² uurimise tulemustest.

Käesolev kaubaraamat annab üksikasjalise ettekujutuse mainitud kaubandusettevõtte sidemetest nii Lääne-Euroopa, eriti Lüübeki, kui ka vene kaupmeestega. Märkimisväärset on viimaste kaubad moodustasid suure osa Tallinna ekspordist. Umbes 470 sissekannet O. Elersi tehingute kohta kõige erinevamate kontrahentidega kuue kuni seitsme aasta kestel võimaldasid kindlaks teha tema firma kaubakäibe suuruse, mis aastast oli keskmiselt 10 000 riia marka, ja tema alalised kontrahendid, kelleks peale kohalike mõisnike ja Tallinna kaupmeeste oli teiste hulgas ka Novgorodi peapiiskop, samuti selgusid nende kaudu O. Elersi kaubanduslike tehingute struktuur ja mitmed tema kaubanduslike tegevusele omased erijooned.

Arvulised andmed, mis kajastavad O. Elersi tehingute struktuuri eri aastatel ja kaubanduslike sidemete intensiivsust mitmete linnadega (Tartu, Narva, Novgorod, Ivanogorod), esitatakse üldistatuna kahes tabelis. Lääne-Euroopasse eksportimiseks ostetud kaupade hulgas domineerisid vaha, lina ja rasv, üksikute aastatel — hõbe ja kuld. Eri kaupade osatähtsus on esitatud nii absoluutsetes näitajates (riia markades) kui ka protsentides eksport- ja importkaupade maksumusest.

Kauplemine Tartus, Narvas ja Venemaal asuvate partneritega erines selle poolest, et see toimus sageli põhimõttel «kaup kauba vastu». Niisugune moodus ei kujutanud enesest tavalist ostu-müüki, mille puhul raha kasutatakse kui maksuvahendit, vaid naturaalkaubandust, kus raha oli vaid vahetatavate kaupade hindamise mõõdupuuks. Mõnede näidete varal käsitletakse ka transpordikuluid nii maismaal kui veeteedel ning O. Elersi sissetulekute suurust.

¹ Helsingfors, 1938.² Säilitatakse Tallinna Linna Arhiivis, f. 230. Af 36.

Läti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Saabus toimetusse
5. VII 1968

V. DOROSHENKO

THE TRADE OF A TALLINN MERCHANT IN THE 16th CENTURY
(On the basis of O. Elers's account book of 1534—1541)

Summary

The trade of mediaeval Tallinn has been reflected in a number of diverse sources. These are primarily account books and business correspondence of the city's merchants. Analogous documentation of other centres of Baltic trade of the 15th—16th centuries (Riga, Gdańsk) is either scanty or it simply does not exist. The importance of account books of Tallinn merchants, which are not confined to the limits of local history, has been emphasized in a well-known study by Finnish historian Gunnar Mickwitz "Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts".¹ After World War II, these most valuable sources have hardly ever been used. The present article states the results of research into an account book kept during the years 1534—1541 by an important Tallinn merchant — O. Elers.

¹ Helsingfors, 1938.

That document gives a clear idea of the West-European relations of the firm (especially those with Lübeck) and also of its contacts with Russian merchants, who received the majority of imported goods via the harbour of Tallinn. The analysis of approximately 470 records of O. Elers's transactions with varied partners during 6—7 years makes it possible to establish the scale of his turnover (about 10 000 Riga Marks annually), the list of his regular partners (besides local Estonian landlords and Tallinn merchants, the Archbishop of Novgorod has been recorded in this connection), the structure of trade transactions and, finally, some specific features of his trade.

Figures illustrating the structure of O. Elers's trade during a number of years and the intensity of the merchant's trade relations with some towns (Tartu, Narva, Novgorod, Ivangorod) have been generalized in two tables. Wax, flax and fat constituted the bulk of the goods purchased for export to Western Europe. Salt, herring and cloth prevailed among the imported goods; in some years, the import of silver and gold acquired decisive importance. The percentage of certain kinds of goods is expressed both in absolute indices (in Riga Marks) and also in the percentage from the total amount of exports and imports. The peculiarity of trade carried on by the wealthy Tallinn merchant with his clients in Tartu, Narva and in Russia often consisted in a goods-for-goods exchange. Those were not the usual sale and purchase deals (with real coins used as a means of payment), but the exchange of commodities in kind when money served only as a means for evaluating the goods exchanged. The author has also examined some instances concerning the expenses connected with the transport of goods (by land and by water), and the amount of the merchant's profit in some transactions.

*Academy of Sciences of the Latvian SSR,
Institute of History*

Received
July 5, 1968